

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ

Марджери Аллингем (1904–1966)
справедливо называют одной из
«четырех королев» золотого века
английского детектива наравне с Агатой
Кристи, Дороти Л. Сэйерс и Найо
Марш. Главный герой большинства
ее романов – эксцентричный частный
детектив Альберт Кэмпбелл. Книга
Марджери Аллингем «Работа для
гробовщика» включена в список
Генри Китинга «100 лучших
романов детективного жанра». По ее
произведениям до сих пор снимают
сериалы и фильмы.

МАРДЖЕРИ

АЛЛИНГЕМ

ЧЕРНЫЕ ПЕРЬЯ

.....

РАБОТА
ДЛЯ ГРОБОВЩИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
А50

Серия «Золотой век английского детектива»

Margery Allingham

**MORE WORK FOR THE UNDERTAKER
BLACK PLUMES**

Перевод с английского *И. Моничева*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Peters, Fraser and Dunlop Group Ltd
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Аллингем, Марджери.

А50 Черные перья ; Работа для гробовщика : [романы] / Марджери Аллингем ; [пер. с англ. И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 512 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-103407-8

Черeda неприятностей вмешивается в работу одной из крупнейших художественных галерей Лондона: за испорченной картиной следует таинственное убийство управляющего. Паутина интриг оплетает семью владельца галереи, и распутывать ее придется его юной дочери и 90-летней матери — последней представительнице Викторианской эпохи.

Семейство Палиноуд, известное в обществе своей экстравагантностью, в этот раз привлекло к себе внимание подозрительными смертями. Детективу Альберту Кэмпбеллу предстоит разобраться не только с двумя отравлениями, но и с анонимными письмами, нападениями и исчезающим гробом...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-103407-8

© Rights Limited, 1940, 1948
© Перевод. И. Моничев, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ЧЕРНЫЕ ПЕРЬЯ

Глава 1

Октябрьский ветер, весь день грозивший дождем, в не-
решительности замедлил свой беспечный полет над влаж-
ными мостовыми, чтобы швырнуть пригоршню капель
в стекла окон гостиной большого дома в Хэмстеде. Звук
получился настолько внезапным и озлобленным, что мол-
чание, воцарившееся между двумя женщинами, сидевши-
ми в комнате, стало на мгновение пугающим, словно в нем
возник невесть откуда взявшийся оскорбительный смысл.

Престарелая миссис Габриэлла Айвори смотрела на
внучку. Ее глаза были по-прежнему ясными, такими же
проницательными и черными, как почти семьдесят лет
назад, когда она не отвела их от взгляда властной жен-
щины, сидевшей на небольшом позолоченном троне во
время первого в сезоне собрания Двора. Габриэлла Айво-
ри обладала не менее сильным характером, чем короле-
ва Виктория, и уж точно превосходила ее красотой, хо-
тя сейчас, расположившись в высоком кресле, отгорожен-
ном лакированной ширмой, и закутавшись в серый сатин,
она выглядела одряхлевшей.

Девушке, стоявшей перед ней на ковре, едва исполни-
лось двадцать лет. В строгом темном костюме и накидке,
отороченной лисьим мехом, она казалась даже моложе.
Но сходство между женщинами проступало отчетливо.
Старейшая и самая юная представительницы рода Айво-
ри отличались семейной красотой, утонченными черта-
ми и выражением, которое иногда называли прямолиней-
ным, а порой и дерзким.

— Ну, так что же? — заговорила Габриэлла. — Я старая
женщина, моя дорогая, почти девяностолетняя. От визи-

та ко мне толку мало. Именно так ты рассуждаешь? — Ее голос звучал отчетливо, хоть и был тонким, а в заключительном вопросе сквозил намек на удивление.

Миндалевидные серые глаза Фрэнсис Айвори сверкнули. Престарелая леди была права, и теперь девушке представлялось нелегкой задачей объяснить самой себе возникшее чувство беспокойство. Мейрик Айвори, вдовец, обожавший свою матушку, внушил младшей дочери отношение к Габриэлле как к легендарной личности. Для нее она неизменно рисовалась восхитительной красавицей «золотой эпохи», связующим звеном с великими викторианцами, существом, наделенным неслыханным могуществом и влиянием. Потому на протяжении всех последних тревожных недель Фрэнсис утешала себя мыслью, что в крайнем случае, пусть даже сам Мейрик находился на другом конце света, рядом в Хамстеде всегда оставалась Габриэлла. Вот почему сейчас, когда настал момент обратиться к ней за помощью, было трудно осознать, что та, вероятно, стала попросту старой женщиной и слишком уставшей, чтобы докучать ей.

Миниатюрная фигура в высоком кресле нетерпеливо заерзала, будто прочитала мысли своей посетительницы, и они привели ее в раздражение.

— Мейрик еще не скоро вернется из Китая, так ведь? Любопытно, как в его отсутствие ведет себя Роберт Мадригал? Мне этот молодой человек никогда не нравился. Не понимаю, почему твоя полоумная сводная сестра вышла за него замуж. Не слишком подходящая персона, чтобы возглавлять Галерею.

Она сделала акцент на последнем слове. С самого начала предыдущего столетия, когда ее свекор, прославленный Филипп Айвори, купил великолепный особняк рядом с парком Сент-Джеймс и выставил там коллекцию Гейнсборо, сразу привлекая внимание модного светского общества, обладателей титулов и денег, дом 39 на Саллет-сквер стал именоваться галереей и оставался ею по сей день теперь уже благодаря многолетней

истории богатства и престижа, равных которым не было в Европе.

— Так что скажешь? — Старуха была настойчива. — Как он ведет себя?

Фрэнсис колебалась.

— Роберт и Филлида живут вместе со мной в доме 38, — осторожно начала она. — Это была идея Мейрика. Он пожелал, чтобы Роберт находился рядом.

Узкие губы миссис Айвори скривились. Упоминания о соседнем с галереей доме, где она полновластно царствовала на протяжении всей своей активной жизни, начиная с расцвета в семидесятых годах и вплоть до конца века, неизменно ее волновали.

— Значит, Филлида тоже обитает в тридцать восьмом? — уточнила она. — Мейрик не рассказывал мне об этом. Наверное, тебе нелегко уживаться с ней? Хотя я тебя не виню. Сама никогда не выносила дураков в доме, даже мужчин. А уж глупая женщина... Что она натворила на сей раз?

— Нет, дело не в Филлиде, — медленно произнесла Фрэнсис. — Нет, дорогая моя, мне даже жаль, что проблема не в ней.

Она отвернулась и посмотрела в окно на деревья в дальнем конце пустоши. Ее заботило нечто более серьезное, чем недостатки старшей сводной сестры.

— Бабушка, — Фрэнсис понимала, насколько по-детски и бессмысленно звучат ее слова, — что-то странное происходит.

Габриэлла рассмеялась. Смех получился тихим, но с тем же едва ощутимым оттенком ехидства, какой присутствовал в нем, когда она смеялась в величественных гостиных далекого прошлого.

— Так было всегда, — заметила она.

— Да, знаю, но на сей раз речь о другом. — Фрэнсис решила на откровенность. — Творится преднамеренное зло, и оно опасно. Я меньше всего хотела бы показаться глупышкой, драматизирующей ситуацию, но мне кажет-

ся, что нечто непоправимое может случиться в любую минуту, и необходимо сделать все, дабы предотвратить это. Понимаете, мне не к кому больше обратиться. Работники галереи в растерянности, и в сложившихся обстоятельствах их нельзя за это винить...

— Нет, милая, не надо разговоров о бизнесе, — в протестующем голосе старой женщины слышалось отвращение. — Оставь бизнес мужчинам. Когда я была в твоём возрасте, женщине считалось неприличным разбираться в подобном. Конечно, это мнение вздорное, однако от скольких же неприятностей оно нас уберегло. Тебе нужно выйти замуж. У Филлиды нет детей, что можно считать благословением с ее-то дурной наследственностью, но кто-то же должен продолжить наш род. Приходи ко мне в любое время, чтобы обсудить супружество, но только не бизнес.

Фрэнсис похолодела. Ее худшие ожидания оправдывались. Рассчитывать на помощь не приходилось.

— Роберт заявил мне, что я должна выйти замуж за Генри Лукара, — сообщила она.

Ей и в голову не приходило, что Габриэлла может знать это имя, поскольку Мейрик едва ли упоминал столь незначительную фигуру в своей фирме, разговаривая с матерью. А потому резкий скрип кресла оказался для нее неожиданностью.

— Не тот ли это мужчина, которого спасли во время экспедиции Годольфина? — уточнила старая леди. — А я-то считала его кем-то вроде ответственного за перевозку багажа, погонщика верблюдов. Или они использовали мулов?

Фрэнсис улыбнулась:

— Нет, дорогая моя. Будьте справедливы к нему. Он действительно отправился в экспедицию как помощник Роберта, но это здесь ни при чем. Вернулся героем и стал служащим фирмы. Мне он не по душе. А после отъезда папы стал нравиться еще меньше. Изображал умника, а в последнее время превзошел сам себя, хитрый малень-

кий звереныш. Хотя отвергнуть Генри Лукара меня заставил не снобизм. Если бы он был мне симпатичен, то не имело бы значения, какое положение он занимает в обществе. Но я его недолюбливаю, вот и все.

Фрэнсис говорила так, словно пыталась оправдаться, повторяя аргументы, которые использовала в том изумившем ее разговоре с Робертом. Она выглядела на редкость отважной и современной девушкой, стоя в этой огромной комнате, обставленной вещами, элегантность и красота которых уже казались забытыми.

Габриэлла выпрямилась в кресле. В вопросах брака ее поколение женщин разбиралось хорошо, и ясные глаза теперь смотрели жестко.

— Неужели этот тип набрался наглости и попросил твоей руки?

Фрэнсис замерла. Столь откровенный снобизм привел ее в замешательство. До чего же характерно для человека «великой эпохи» сузить тему беседы, лишить ее истинной перспективы, сосредоточившись на единственном второстепенном аспекте.

— В этом я не усмотрела ни малейшей наглости, дорогая бабушка. Но Роберт стал донимать меня просьбами серьезнее воспринимать этого жуткого маленького зверька, это был еще один факт к прочим, более значительным происшествиям. А Лукара едва ли можно винить за обычное предложение. Почему он не мог сделать его?

— Почему? — Миссис Айвори напряглась, серый кружевной платок, повязанный на голове, изящными линиями обрамлял ее изможденное лицо. — Не будь душой, девочка, и не забывайся. Этот Лукар не более чем слуга или был слугой, пока по случайной прихоти фортуны ему не удалось спасти свою жизнь и приобрести печальную известность. А ты — красивая, хорошо воспитанная и образованная девушка, владеющая большими деньгами. Мне кажется нелепым нынешнее поветрие делать вид, будто деньги не имеют значения. Никого этим не обманешь. В действительности никто не думает ни о чем ином. Ма-

тушка оставила тебе двести тысяч фунтов. Это огромное состояние. Разумеется, неслыханная дерзость со стороны такого человека, как Лукар, предлагать себя в мужья. Любой мужчина, делающий тебе предложение, неизбежно окажется в неловком положении, за исключением того, кто либо очень богат сам, либо располагает особыми привилегиями, которые оправдывают его намерения. А этот погонщик верблюдов излишне самонадеян. Во имя всего святого, не идеализируй его и не внушай себе, будто он представляет собой нечто большее. По-моему, Роберт совсем из ума выжил. Я обязательно обговорю это, когда он вернется.

Пожилая женщина откинулась назад, закрыв глаза после чрезмерного усилия, а Фрэнсис стояла с раскрасневшимся лицом, глядя на нее. Было много написано о том, насколько нравы современных людей шокируют представителей Викторианской эпохи, но ничто не сравнится с шоком, в который способны повергнуть современного человека сами викторианцы со своей старомодной прямоотой.

«Роллс-ройс» Мейрика еще никогда не казался Фрэнсис настолько уютным, как в тот момент, когда она села в него, скрывшись от порывов ветра, норотивших сорвать шляпку и болезненно хлеставших по коленям. Разговор получился хуже, чем просто бесполезным, и теперь она упрекала себя, что решилась на него. Фрэнсис посмотрела в окно на промозглые улицы города и плотнее забилась в уголок на заднем сиденье автомобиля. Ей было страшно. Сделанное ею открытие тревожило. Одно дело — проводить день за днем с нарастающим беспокойством и с нарождающимися подозрениями, и совсем другое — внезапно ощутить уверенность в серьезности проблемы и необходимость справляться с ней. Особенно если тебе еще не исполнилось даже двадцати лет и ты совершенно одинока.

Водитель остановил лимузин перед особняком номер 38, но Фрэнсис подала ему знак не звонить в дверь. Если Филлида была дома, то, скорее всего, еще лежала

в постели в комнате с закрытыми жалюзи, окруженная вниманием очередного врача. Фрэнсис выбралась из машины и прошла дальше до здания галереи, распахнувшей свои сдержанные объятия, приветствуя ее. На первый взгляд, дом 39 на Саллет-сквер, где можно было обнаружить все — от обширного собрания картин Рембрандта до скромного образца модернистской резьбы по дереву, — производил впечатление внушительного, хотя и очень уютного особняка. Но сейчас даже обычная элегантность здания выглядела явно чем-то нарушенной. Фрэнсис, ставшая теперь очень восприимчивой, заметила изменение в атмосфере дома, едва войдя в холл. Многие чувствительные люди признают, что переживали нечто подобное, потому что дом, где бурлят эмоции, приобретает от этого едва уловимую ауру беспокойства, витающую, как кажется, в самом воздухе. Когда Фрэнсис перешагнула через порог, ее обдало этим ощущением, словно волной.

Глава 2

— Ну конечно! Дело весьма серьезное, и естественно, что мистер Филд разгневан.

Секретарша мисс Дорсет откинулась на спинку кресла в приемной, и румянец покрыл ее худошавое лицо.

— Какой художник не злился бы, если во время выставки ему позвонили бы из галереи и спокойно сообщили, что одна из его лучших картин была порезана? Мисс Айвори, как бы мне хотелось, чтобы ваш отец скорее вернулся!

Мисс Дорсет была одной из тех худосочных женщин, что в молодости выглядят цветущими, но за годы службы постепенно старятся незаметно для окружающих и даже для самих себя. Она отодвинула записи и приготовилась встать из-за стола, ее губы нервно сжались.

— Дэвид Филд здесь? — Голос Фрэнсис дрогнул, но мисс Дорсет находилась не в том состоянии, чтобы услышать это.

— Да. Они все собрались в кабинете мистера Мейрика и обсуждают случившееся, устроив громкий скандал и предоставив мистеру Филду повод для рассказов всему Лондону. Будь мистер Мейрик тут, он бы просто взорвался от возмущения. История, рассказанная Формби, предельно ясна и ужасающе неприятна. Речь идет о большом портрете мексиканской танцовщицы, инвентарный номер шестьдесят четыре. Прекрасное произведение искусства.

— Формби видел, кто это сделал?

Фрэнсис оказалась совершенно сбитой с толку. Многие годы Формби служил в фирме швейцаром, и представлялось немыслимым, чтобы такой беспрецедентный акт вандализма мог произойти у него под носом.

Мисс Дорсет избегала встречаться с ней взглядом.

— Он твердо придерживается своей истории, — неохотно ответила она. — Настаивает, что все было в полном порядке в два часа, когда он прошел в большую галерею, чтобы поговорить с мистером Робертом, который как раз беседовал с мистером Лукарком. Когда же через пятнадцать минут они оба ушли, Формби вернулся на свое прежнее место и обнаружил повреждение. Он поднял тревогу, и Норт позвонил мистеру Филду. Это такой же злонамеренный и опасный случай, как и все остальные прискорбные происшествия.

— Так Формби утверждает, что там не было никого, кроме Роберта и Лукара, которые были вместе? И понимает ли он, какой вывод вытекает из этого?

— Не спрашивайте, пожалуйста! — С трудом сдерживаемое возбуждение придавало манерам мисс Дорсет смелость. — Жизнь научила меня держать рот на замке и закрывать глаза на многие вещи, которые творились в этом бизнесе, но сейчас я начинаю думать, что у любой сдержанности есть свои пределы. Я работаю на вашего отца с семнадцати лет и очень уважаю его. Я набралась решимости нарушить субординацию и написать ему правду после случая с королевским каталогом. И теперь уверена,

что обязана послать ему телеграмму. У нас солидная старая фирма с великими традициями, и просто стыдно видеть, как она страдает от рук безумца, если только он не является кое-кем похуже. Никогда прежде я не позволяла себе произнести нечто настолько откровенное, но кто-то же должен наконец сказать правду.

Фрэнсис медленно поднялась по лестнице. Дверь в личный кабинет Мейрика была открыта, и, задержавшись в коридоре, девушка могла слышать доносившиеся оттуда голоса. Фрэнсис сразу узнала настойчивый кокни швейцара.

— Да, я особенно пригляделся именно к той картине, сэр, — говорил он. — С ней все было в полном порядке, когда я прошел мимо в два часа. На смертном одре не изменил своих слов. Готов повторить их хоть законникам в суде. Разве ж я могу выражаться яснее, а, сэр?

— Верно, не можете, старина. Вы все изложили предельно ясно... И что же теперь? Способны ваши сотрудники восстановить полотно, Мадригал? И как долго они, по вашему мнению, с этим провозятся?

Второй голос, раздавшийся в кабинете, Фрэнсис тоже узнала и с досадой почувствовала, что на нее подействовало его обаяние. За Дэвидом Филдом закрепились репутация человека, сумевшего очаровать многих женщин своим небрежно дружеским подходом к жизненным перипетиям. Она поспешно прошла вперед, но густой ковер заглушил звук ее шагов, и потому, стоя на самом пороге, она оставалась никем не замеченной.

Комната, обшитая белыми панелями, служила в восемнадцатом веке будуаром для некой герцогини. Было странно, когда за большим письменным столом восседал Роберт, а Лукар торчал с вальяжным видом рядом с ним. Из всех невзрачных людей, которых Фрэнсис когда-либо встречала, этого можно было поставить на первое место: низкорослый мужчина, уже начавший полнеть, с рыжими волосами и постоянно раскрасневшимся лицом, совершенно не подходившим к подобной шевелюре. Но да-